

НА ТРОНЕ ПОЭЗИИ

В соответствии с Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 5 января 2021 года объявлен Годом Низами Гянджеви. В связи с этим я хочу рассказать об истории возведения двух памятников гениальному азербайджанскому поэту и мыслителю.

Согласно диалектике, человек должен быть устремлен в будущее. И хотя диалектика не предусматривает движения в социальных сетях, выставляются фотографии старого Баку. Это неспроста, людей объединяют настальгические чувства по прошлому, которое для бакинцев, в первую очередь, бесценно – сносимые здания, которые могли бы простоять еще не одну сотню лет. Могли бы, но есть и другие качества, которые позволяют наращивать, а то и давать, в зависимости от числа этажей и заработать соответственно, то что тут делать малоэтажным домам, снести и, как говорил поэт, «и никаких гвоздей». Да какие там гвозди, какое дерево – только бетон и чем выше, тем выгоднее. С этим давно и все понятно, а вот бронзовевые и гранитные памятники деятелям прошлого кому помешали, куда делись изваяния Азизбекову, отказалавшимся от многомиллионного наследства ради всеобщего блага, одному из первых руководителей Закавказской Федерации и ЦК ССРР Мусабекову, или мы находимся начально поэтов прошлого и настоящего? Более того, иногда в социальных сетях была даже начата кампания по сносе памятника Нариманову, что можно объяснить скорее не политическими мотивами, а местом его расположения: где можно построить не одну высотку с видом на море и на то, что превратили город страйбарами. Но, слава Богу, война отодвинула на время меркантильные интересы. Только на время и никто не знает, что будет, когда страсти поступят. А ведь каждый дом, каждая улица, каждый монумент – это история, труд многих людей, долгая дорога от замысла к воплощению.

К счастью, памятники Низами, о которых хочу рассказать, пока никто не собирается сносить. Мы не забываем учение, пока не собирается отнять честь и скем только черт не шутит.

В далеком 1966 году, тогда еще чирно-белому телевидению показывали торжественное открытие памятника Руставели в Москве. Из домашников это событие наблюдали только я и сестра. На мой наивный вопрос, а когда в Москве установят памятник кому-то из наших, например, Низами, отец ответил, что наблюдаемое нами событие, скорее политическое, чем дань уважения к творчеству поэта. «Понимаешь, – пояснил он, – свергли Хрущева, власти пришли Брежnev, лояльно относящиеся к Сталину и памятнику рабочему в столице составляча часть реформы, проводимой грузина Советского Союза».

Как показало время, до большой реабилитации «главного грузина», дело так и не дошло, но памятник Руставели осталась, а все последующие усилия руководства нашей республики

ники, обращенные в центральные органы, об установке монумента Низами (ни мне же одному пришла в голову такая блажая мысль) оставались безрезультатными. Это после распада ССР стало возможным воздвигать памятники всем и везде, а иногда и по несколько памятников одному и тому же деятелю, но тогда... Тогда в жесткие идеологические рамки должны были вписываться даже те, кто кип и творил задолго до идей материализма, тем более идеи патриотизма, гордости народа. Так, в 1990-х годах в Баку, в честь двух веков для Маркса и четырех веков для Теймура Султан-Гянджевика, утверждал, что Всеобщий «...жемчуг энзии» неждет на тонкую разумную нить: то есть, все-таки первичен вселенский разум, Бог, а не материя.

Прошло более двадцати лет, бронзовый памятник Руставели успел покрыться патиной, а я все еще носился с идеей установки в столице памятника Низами. К тому времени мои административные возможности позволили принять участие в воплощении этого замысла многих, и я попросил заведующего отделом ЦК Теймура Алиева поддержать предложение Министерства культуры об установке памятника Низами в Москве. Ты думаешь, ЦК не интересовался вопросом? Да дескать раз и всегда одно и тот же: «Подождите, видимо, время»... отрапортировал Теймуру Султан-Гянджеви, – «я сейчас на переговорах, многое становится возможным»... – не сдавалася я и, одним словом, после длительной полемики мне удалось склонить часу весов на свою сторону с одним условием Теймура Алиева: «Письмо в ЦК КПСС мы направим, но спрашивать исполнение будем с тебя лично».

На том договорились и с того времени начались мои мэрства и хождение по различным учреждениям Москвы. Но время перемен, не прошло и года, как разрешение на установку было получено. Получено, при условии, что все расходы несет республика и установленный памятник будет в собственности республики, а не города.

На том договорились и с того времени начались мои мэрства и хождение по различным учреждениям Москвы. Но время перемен, не прошло и года, как разрешение на установку было получено. Получено, при условии, что все расходы несет республика и установленный памятник будет в собственности республики, а не города. Помимо этого, я решил, что памятник будет установлен на троне, чтобы фигура не получилась: меньше наатуральной величины. Как задумали, так и сделали, как говорится «и волки съты, и овцы целы», никто не остался виноват. Проект Гасана Гасанова одобрен, осталось было делом техники и в назначенный день памятник, накрытый тканью, был установлен перед зданием нашего Постпредства и ждал своего торжественного открытия.

Когда я в это время в Ленинграде находился, Директорат культуры и искусства Азербайджана на завершение которых прибыл и

в это уже 1991 год, как раз год 850-летия Низами. Самое время для торжественного открытия памятника в столице. И тут выясняется, что объявленный конкурс результатов не дал. И разве такое скажется премьеру, который даже выражения не принимал, не то, что проводил такого мероприятия, тем более, что он ранее работал руководителем партийной организации Гянджи, тогда Кировабада, и не мало сделал для увековечения памяти поэта. Вот тут и пришло время братьям Зейналовым выйти из подполья и показать макет памятника, который был принят руководством республики, как говорится, на ура. Оказалось, макет с авторами в самом начале показался им слишком образом, если Медведев не разрешил пытаться за обозначенную высоту, значит «усадим фигуру Низами, как и подобает королю поэзии на трон, чтобы фигура не получилась: меньше наатуральной величины». Как задумали, так и сделали, как говорится «и волки съты, и овцы целы», никто не остался виноват.

Проект Гасана Гасанова одобрен, осталось было делом техники и в назначенный день памятник, накрытый тканью, был установлен перед зданием нашего Постпредства и ждал своего торжественного открытия.

Когда я в это время в Ленинграде находился, Директорат культуры и искусства Азербайджана на завершение которых прибыл и

тогдашний руководитель республики Азиз Муталибов, вице-

министр культуры мэр Ленинграда Анатолий Собчак, узнавший что Муталибов вечером отъывает в Москву, поинтересовался причиной столь скорого отъезда и, узнав, что там состоится открытие памятника Низами, даже изобразил на лице подобие обиды: «Как же так», – сказал он, – 800-летний юбилей Низами прошли в блокадном Ленинграде: а памятник – в Москве?»

«А вы дайте добро и здесь установим», – отрапортировал Муталибов. Получив ожидаемое «добро», Муталибов и команда отбыли в Москву, где уже на следующий день состоялось открытие.

Что интересно, прямо напротив памятника, на здании дома №1 Мусы Магомаева, который, несомненно, наоборот, приглашения нашего постпреда, ныне похороненного За

руса Рустамзаде, причем и от имени президента, ссылаясь на болезнь так и не смог принять участия в открытии, наблюдала

за происходящим из окна. Конечно, участие столь популярного в Москве человека, к тому же сыгравшего роль Низами в одноименном фильме Эльдара Кулешова было очень желательно, но... не пришел.

Прошло всего восемнадцать лет, для истории не более чем мы с уже самим Мусаевым установили памятник на новых десятках шагов от памятни-

ка Низами, чье открытие, которого поэзия учредила, не принес видимые подобающие результаты. Но речь не о любимце публики, а о любимом гурманом слова – Низами, о первом памятнике которого я уже рассказал.

Что касается второго, задуманного в Ленинграде и установленного в Санкт-Петербурге, то после возвращения в Баку и соответствующей переписки разрешение было получено, и я пригласил будущего автора для заключения договора. Скульптуру поэта создал выпускник Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени Мухиной, к тому же гянджинец – земляк самого Низами, художник Гейдар Алиев и Владимир Путин. А это значит, что Низами, как при жизни удостоился почетной власти имущих, хотя и тщетно приглашавших его ко двору, так и 800 лет спустя после смерти остались таким же востребованными. И если ко двору его уже не пригласишь, к его трону приходит и будут приходить. Вот что значит «Слово!»

Зульфукар ГАНЖЕВИ.

На снимке: памятник Низами Гянджеви в Санкт-Петербурге.